

Валерий Дудаков

СКОРОГОВОРКИ
МЕДЛЕННЫХ РАЗДУМИЙ

ПТИЧНИК КРЫСОЛОВА

КНИГА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

**Валерий Александрович Дудаков
Скороговорки медленных
раздумий. Птичник
крысолова. Книга тридцать
шестая. 50 стихотворений.**

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68762601

*Скороговорки медленных раздумий. Птичник крысолова. Книга
тридцать шестая. 50 стихотворений: Пробел-2000; Москва; 2022*

ISBN 978-5-98604-843-6

Аннотация

«Семьдесят четыре, вместе одиннадцать,
Сложишь – в лото «барабанные палочки»,
Будто годы спешат и толкают в спину,
Здесь и печки тебе, и лавочки...»

Содержание

Тебе в 74	6
Лунная сказочка	7
Кузьминское кладбище	8
Покрывало дней	10
Более о паскудстве, чем об искусстве	12
Моя тропа	16
В который раз	18
Конец сентября	20
День в Калуге	22
Утро бывшего пионера	24
Поездка в парк имени К. С. Малевича	26
Вальс Медвежьих озёр	28
Не прощаюсь	29
Осенний этюд	31
Хвала прославленному	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

**Валерий
Александрович Дудаков
Скороговорки
медленных раздумий
Птичник крысолова
Книга тридцать шестая
50 стихотворений**

*...то уйдёт всецело,
Чем ты и дышишь и живёшь...*

Ф. И. Тютчев

*Мы вспоминаем выбывших и павших,
Всех тех, кто с днями нашего рожденья,
Был прошлым связан или настоящим.*

Автор

* * *

© Дудаков В. А., 2022

Тебе в 74

Семьдесят четыре, вместе одиннадцать,
Сложишь – в лото «барабанные палочки»,
Будто годы спешат и толкают в спину,
Здесь и печки тебе, и лавочки.

Из-под них не метут веник, швабры и прочее,
По углам тоска свернулась комочком,
И ворчит, и канючит, и денно и ночью,
Потому и не сплю, с боку на бок ворочаюсь.

А давай-ка пошире раскроем окна,
Занавески откинем, пусть солнце ворвётся,
Ты увидишь – тоска заскулит и смолкнет,
А кто в это поверит, тот верой спасётся.

Лунная сказочка (внукам и внучкам)

В тьму месяц закрался ночью,
Как кошка прыжком на крышу,
Свернулась она комочком,
Да кто здесь её услышит.

А месяц бледен от страха,
Что вором в чужой квартире,
И будет охать и ахать,
Один он в пустынном мире.

Отчаялся, сник и точка,
Ему в облаках бы скрыться,
Не светятся звёзд комочки,
Сколь темень та будет длиться.

А ночь его ждёт и нежит,
По лунной бежит тропинке,
Он вспыхнет румянцем свежим
Растаяв в рассветной дымке.

Кузьминское кладбище

Выдержав все приличья,
Близится эта встреча,
Прожитых лет табличка
Давит и грудь и плечи.

Как неуёмный странник,
Рушу, что сам построил,
Знать бы о том заранее
Кто нам глаза закроет.

Урны, могилы, склепы
Тех, кто почил, скрывают,
Тёмной ограды скрепы
Их от нас охраняют.

В зелени спят Кузьминки,
Тишь на исходе лета,
Тесные две могилки,
Места на надпись нету.

Там мать, отец и тётка,
Бабушка, младший братик,
Дятел долбит чечёткой,
Дни Христа ради тратя.

Здесь упокоюсь в бозе,
В древности так сказалося,
Строго с меня Он спросит,
Там, где конец – начало.

Покрывало дней

Мне утренняя в радость тишина,
В сугробах снег, огней фонарных нитка,
За Раменкой притихшие дома
От снов никак не могут пробудиться.

Встаю я до рассвета в шесть утра,
Вот, скажут, рано, мне ж не много и не мало,
Так каждый день «сегодня» со «вчера»
Сшивается лоскутным одеялом.

И слово есть такое: пестрорядь,
Мелькают годы, где-то рядом старость,
Всё в суете, а обернёшься – глядь,
Дней лоскутки, что нам шивать досталось.

Одни, как сон, вобрали неба синь,
Другие праздничны, нарядны яркой краской,
А третьи блёклы, впрочем, не с кого спросить,
Не расцветили их и тратим понапрасну.

Но, видно, нам степенность не дана,
И суета чертою жизни стала,
Жаль не живём мы в эти времена,
Когда так бережно шивали покрывало.

Что до себя, о том и погрузу,
Ведь доживать немного лет осталось,
И думать повседневно не хочу,
Когда укроет жизнь лоскутным одеялом.

Более о паскудстве, чем об искусстве (о Вальке Воробьеве)

Он «Враг народа» и «Левак»,
И «Графоман», но не дурак,
В писаниях «нечестных правил»
Художник злобный след оставил.
Его мы многие познали,
Присвоил славу он Вазари,
Но только с жаром, пылом, страстью,
Не избежав дурной напасти,
Впадая в ложь, хулу, паскудство
«Другое» описал «искусство»,
Склоняя всех и так и сяк,
Слепил друзей ареопаг,
При этом, прямо или вскользь,
К их славе грязи кинуть кость.
Не станем мы на то сердиться,
Кому от зависти не спится
В своих стенаньях бесполезных
Страдать «за что же я безвестный».
К кому всю жизнь ломаются в гости,
Кому в удел крысиный хвостик.
Да будь ты «профи», дилетантом,

Всё ж надо обладать талантом,
А не предвзято и игриво
Точить на славу зубы криво.
Срывая многие личины,
Он в людях видел только зло,
И это главная причина,
За что ему не повезло.
Явления такого сорта
Ему от слов: себе покорствуй,
Для пакостника, знамо дело,
В говне все, он в рубашке белой,
Но кто дозволил для «ликбеза»
В чужие матки правду резать?
Пройдоха, бомж, Лобанов-ль князь,
Ты никого не пожалей,
Пиши, макая мордой в грязь,
На то ты шустрый Воробей,
Что каркает вороной грозной,
Владимир пусть, Иван ли Грозный,
Будь Рюрик иль Романов род,
Хотел он всех е... ть бы в рот,
Достоин кто его молвы —
Не перечислить всей хулы.
Как спецпатологоанатом,
Как циник, всех пославший на х... й,
Пороки он вскрывал людей
И видел гнойники, нарывы
Тех, кто ему «не вышел рылом»,
Сей пасквилянт и лицедей.

И всех, кто хочет иль не хочет,
Он оболжёт, в дерьме замочит,
Хотя он с ними долго знался
И в дружбе верной, вечной клялся,
Ему едино – враг иль друг,
Живут пусть там, пусть здесь живут,
В суд подадут за клевету.
Он верховодит, судит, рядит,
Всем обвинитель, прокурор,
А в довершение нагадит
Завистливый «парижский вор».
Будь президент Барак Обама,
В терминологии Воробьева,
Почище сленга воровского,
Он ниггер и Бардак Е... аный,
Но визгу и хулы не будет,
Коль на язык попался б Путин,
Какое б вы сказали дело
Нам до того? Слияла смелость.
Шизофрения, пьянство, блядство
Его «конёк», святое братство,
Сменив палитру на поллитра,
Живописать и рисовать —
У них лишь время отнимать,
И, как писал еженедельник,
«В Парнас вскарабкался бездельник»
И объявил всё это злом,
Короче, людям повезло,
Ведь для реклам такого рода

Настала оттепель погоды.
Так стали Воробьёва книги
Всем нам показанные фиги,
В которых много злой брехни
Его героев, их родни.
Пора бы стих и подытожить —
Вселенский гул, эффект ничтожен,
Но сколько пыла, силы страсти,
Карает всех его рука.
Но, ради правды, я не скрою,
В его пасквильных «Леваках»
Есть три богатыря – героя,
Которых он слегка уроет,
Но выдаст за борцов идейных.
Пусть Нусберг, Ситников и Гробман
Забыты памятью народной
И мне их вспомнить что-то лень,
Да шайку этих прохиндеев
И не отмоет судный день.
Что ж, будь прижизненный я классик,
Иль это только лишь мечта,
Сказал бы: все мы в Божьей власти,
И те, в ком правды ни черта.

Моя тропа

Не пойму, почему, как же так,
Что не знал я вас прежде,
Но почти уже свыкся,
Пусть, впрочем, сноровка не та,
Лишь теперь понимаю,
Что эти озёра Медвежьи,
Для меня, заплутавшего,
Верная волчья тропа,

Там, где спрятался лес
В стекленеющих глянцевах водах,
В их бездонной глуши,
Отраженье небес синевой,
Нахожу я себя,
От сует отвернувшись, и чтобы
Мне не в стае брести,
А своей лишь дорогой одной.

С каждым годом она
Всё сужается, меньше и тоньше,
И конец уж пути,
Вероятно, совсем не далёк,
И в вечернем закате
Церковный звенит колокольчик,

И склонится во ржи,
Синь небесную скрыв, василёк.

Звук плеснувшей волны
Проскользнёт отголоском в затоне,
Рыба, плеща, всплывёт,
Невзирая на риск свой и страх,
И пасутся в лугах
Рыжегривые резвые кони,
И стрекочут стрекозы,
Ведя хоровод в камышах.

В который раз

В пруду Кусково жёлтые кусты
С их отраженьем карусель заводят,
Задумчиво скульптуры в тених бродят,
На холод ёжатся намокшие листья.

Замрут на миг, фигур печальны лица,
Пусть немые, но быть может меж собой
В общенье, в темень скрывшись наготой,
Чтоб с белизной покровов снежных слиться.

Близь них мне задержаться, лисий хвост
Игривой осени приметить на опушке,
И вспомнить, что писал про осень Пушкин,
Как стих его изыскан был и прост.

Но не дано мне, скажут «стихоплёт»,
Порой удачны пусть бывают строки,
Но всё же каждый год приходят сроки
Ловить строфу, что с осенью придёт.

Но не спешу совсем, не унываю,
Нас много, пишущих, тому свидетель сам,
Но истин возвышающий обман
По осени охотней принимаем.

Конец сентября (кроме шуток)

Опять не сбылись приметы
И изморозь к утру в проседь,
Вот, вроде, не бабье лето,
Но и не мужичья осень.

С дождями, где ветер в жалость
Гундит, голосит в отчаянье,
Тепло, мол, не удержалось,
А он как виновный крайний.

Циклоны всему причиной,
А мы всё Велес да Власий,
От них, мол, дугой осины
И гнутся и стонут басом.

Опять ведь всё врут прогнозы,
Вот выкуси вроде накось,
Не лето, а бабы с возу
И хлюпают влагой в слякоть.

Почто весь сентябрь в тучах,
Не то ведь, что было прежде,
Но где-то скользнувший лучик

Заронит тепла надежду.

День в Калуге

Калужский ветер свеж, прохладен,
Букетом ярким вспышки клёнов
Средь парков и садов зелёных
Сверкают осени наградой.

Рассветной тишины покой,
Не слышно с улицы, ни звука,
Проснётся утро, снов минуты
Сменятся суетой дневной.

Затейлив город, стар и нов,
С причудинкой, щиты рекламы
Вдаль заслоняют панораму
Игрой затейливых цветов.

Привычка к местному нужна,
И сладкой выпечкой калужской
Все ж угостись на всякий случай,
Всеместно славится она.

Пройтись Двором гостиным мимо,
Плотнее застегнув пальто,
Взглянуть в витрину магазина
С названьем «Там где никто».

В заботы город погружён,
И башню старой колокольни
Качает словно и невольно
Музейный вспомнится Юон.

Прочерчен мост прямой стрелой,
Лес ближий тетивой из лука
Пронзил окраину Калуги,
Согнув изгиб дуги Окой.

Музей, что космос сторожит
Готовой к выстрелу ракетой,
Неподалёку, рядом где-то
Приют, где Циолковский жил.

В саду от памятника тень,
Но сказка былью только в сказках,
А осень провожает с лаской
Калужский благодатный день.

Утро бывшего пионера

На свежесть ветра продышаться выхожу,
Причину почему, зачем, никто не скажет,
Следы я прошлого в сегодня нахожу
И сам себя ищу как давнюю пропажу.

Так возвращаюсь в дни ушедшие опять,
Давно смирился с тем, что я совсем не молод,
Проходят осени и цифра «семьдесят пять»
Напоминает, как ни странно, серп и молот.

Мне говорят: уж тридцать лет не та страна,
Такой ведь нет и никуда уже не деться,
Не возражу, но всё ж в том моя вина,
Что позабыл свою я юность вместе с детством.

Да, эти годы так суровы, не просты
Мол, то что помнится, об этом не жалеите,
Рожайку-речку, пионерские костры,
Флаг, гордо поднятый на утренней линейке.

И груз забот, что тяжело было нести,
Победы радость, ту, что все с надеждой ждали,
И подводили под расстрельные статьи
Ночные гости цвета воронёной стали.

За годы может обличений голос стих,
Себе советую подчас иных признаний,
Поменьше пафоса, да и упрёков злых,
Побольше тёплых и живых воспоминаний.

Поездка в парк имени К. С. Малевича

Был ясный день, звенела неба просинь,
Не бабье лето пусть, но повезло,
И грела лес «немчиновская» осень,
А в сотнях вёрст «Малевичи» село.

Неясны нам названия причины,
То парадокс, что тянет, вдаль маня,
Где пряталась дождливая личина
Под доброй маской солнечного дня.

Мы часто здесь компанией бывали,
А было б хорошо прийти вдвоём
И помечтать, но с радостью узнали,
Что строят водопад и водоём.

С Малевичем всегда совсем непросто,
С рождением, смертью, датами картин,
И славой редкой, двухметроворостой,
В ней, впрочем, сомневаться нет причин.

Ему с трудом далось искусства знание,
Супрематизм не прост совсем не зря,
Казался он пророческим посланьем,

Листая новый смысл календаря.

Мне повезло, и редким даром станет
Вся дружба, что безмерно я ценил,
С той женщиной, что Уной звали в память
«Уновиса», я это сохранил.

Здесь от безделья творчество излечит,
Хоть можно место новое найти,
И где дубовой рощею Малевич
Мостил к своей теории пути.

Не счесть тех форм, а сколько смыслов вышло,
Творец супрематизма был бы рад.
Свет гас и погружался мир застывший
Во тьму, как бесконечный квадрат.

Вальс Медвежьих озёр

Опять забреду, как прежде,
В озёра я те Медвежьи,
Здесь тихо и кружится,
кружится лист над водой,
Знакомо всё так, понятно,
И осени запах сладкий
Напомнил сегодня мне
прошлые встречи с тобой.

Камыш сник неровной щёткой,
В нём птицы шумят трещотки,
И рыбы, проснувшись,
недвижно скользят по воде,
Вдогонку им плещут утки,
Вспорхнув в небо на минутку,
И здесь я покоен и тих, как быть может нигде.

А там, в отдаленье леса,
Собралась дождя завеса,
Но влагу пролить не торопится, копит в тайне,
И я чуть заметно, скромно,
Страдаю душой бездомной,
Медвежьи озёра приютом, но только не мне.

Не прощаюсь

Снова в краях Медвежьих мы,
Были и до сих пор,
Скрип под ногой валежника
Гаснет в тиши озёр.
С прежней расстаться ношею
Смелость порой нужна,
В эту прогулку в прошлое,
Прежние времена.

К лесу тропинки тянутся,
Я им желанный гость,
Дождик, запойный пьяница,
Лижет рябины горсть,
Машет приветно ветками
На косогоре бор,
Радует, словно в детстве мы,
Крапчатый мухомор.

Светят чуть звёзды-странники,
В дымке и не видны,
Глохнешь, ни звука раннего
В логове тишины,
Просим приюта осени,
Чтобы не знать разлук,

И отраженьем в озере
Тени сплетённых рук.

Осенний этюд

Красным отсвет в клёнах тлеет,
Золотит их вновь, как встарь,
Все цветистей и пестрее
Октября живой алтарь.

Полыхнуть окрасом может,
Пламенеет на мороз,
Сбросив листья, дуб тревожит
Чёрным золото берёз.

Запаслись они терпеньем,
Стынут с ног до головы,
И к Покрову будут зренья
Тешить снежные стволы.

В них кукушка отзовётся,
Счёт её совсем не прост,
Сквозь кустарники метнётся
Солнца блик, как лисий хвост.

Кратка осень, благочинна,
Тает свечкой с каждым днём,
Только вовсе нет причины
Нам печалиться о том.

Хвала прославленному

Стала символом русским берёза,
Да и где только их не видать,
Не метафора – метаморфоза —
Где берёза – там родина-мать.

От японских холмов до Карелии,
Заселили гурьбой белый свет,
Может, есть и породы старее,
Благородней, роднее лишь нет.

Лёгким парусом взлёт оперенья,
Тонкой мачтою белой стволы,
И извечное к небу стремленье,
Все вобрав в себя соки земли.

Буйным летом им царствовать нужно,
А на осень в тиши прикорнуть,
И в морозы печалиться дружно,
Слёзы мёрзлые с веток стряхнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.